* * *

Вновь ломая задвижки, замки,
Пролетая в прабабкины нычки,
Прорываются в ночь сквозняки,
И разносятся их переклички.

Что им верность обветренных рам?
Что им крепость простуженных стёкол?
Каждый мне в полнолунье проокал,
Что подветренным служит мирам.

И тревожит мой сон злой озноб,
И маячат разнузданно хвори,
Но три пальца ложатся на лоб,
Защищая знамением вскоре.

Разнозимье

Для надрывных и горестных спевок
В ледяной заколдованный круг
Зимний вечер собрал, будто девок,
Голосистых метелей и вьюг.

Я зажат, как в тиски, в круге первом,
Злобно плачут метели навзрыд —
Лишь одна среди хора молчит
И не верит гуляющим стервам!

Вьюги воют морозно на ухо,
И вращаюсь я в круге втором.
Вечер тёмным предстал певуном —
И лишился я речи, и слуха.

Показалось мне: в горе столетий
Этот вечер виновен да я.
И в сугробах сомкнулся круг третий,
И небес разошлась полынья.

* * *

Колдует мне зима
Вселенские снега —
Она сошла с ума,
Подслепая карга.

Шепчу ей: «Не спеши,
Замедли вьюжный ход!»
Но часть моей души
За ней ушла под лёд.

Ей, видно, невдомёк,
Она увлечена.
И я — её снежок,
Часть облачного льна,

Часть ледяной крупы,
Серебряных недель...
Синеющей тропы,
Я — снег, покрывший ель.

* * *

Сергею Арутюнову

Столетье платежей и ипотек —
И кажется, что будет только хуже.
Но так же на асфальте мёрзнут лужи
И прячется в одежды человек.
Дорога к Богу, разве что, поуже.

Поуже, да ещё не всем видна —
Нет светофоров, постовых, разметки,
Лишь птицы красногрудые на ветке,
Целительница — полная луна,
И звёзды, заменившие таблетки.

Наш век сырыми войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытайтесь даже.

* * *

Дней вездесущая невнятица
Мир заполняет. И в который раз
Мы прозябаем у дорожных касс,
Пусть за билет отчаяние расплатится
В осенний час.

И нарастёт хрустящая порошица.
И никого нисколько не щадя,
Ко мне из полуснежного дождя
Несётся, извивается и крошится
Второе «Я».

Оно уйдёт, потом придёт метелица,
И разрастутся снеговые сны.
Не чувствуя ни страха, ни вины,
Во мне зима тихонечко расстелится —
Мы с ней равны.

Забродят гордо сумраки и мороки,
Закружат в пляске духи полутьмы,
На полустанке, где шипят дымы,
Мне станут ночи пламенные дороги –
В них только мы.

* * *

Константину Алексееву

Гололёд или рытвина,
А мы всё колесим,
Обращаясь молитвенно
К существам неземным.

Хмуро, скользко и дымно!
И вокруг — ни души.
Звуки звёздного гимна
Заглушить не спеши.

Ты несёшься, как вьюга,
Слышишь неба сигнал.
Кто с повадками друга,
Вдруг тебя обогнал?

Кто взлетел там, где узко,
Где обрывы дорог?
Возле чёрного спуска
Только Бог.

* * *

Я знаю, что прибуду очень скоро.
Я к переменам сказочным привык.
Мне улыбнётся хмурый снеговик
И обнесёт наветами падёра.

Снежинки будут учащённо злиться.
И, тень бросая по моим следам,
Горбун-фонарь со взором ясновидца
Разделит мою ночь напополам.

Деленье это не дано исправить.
И в тихих полукружьях темноты
Холодный свет, в котором я и ты,
Воды остаток превращает в наледь.

* * *

До чего же зима криворота,
Одинока, весома, хрома!
Ей всегда не хватает чего-то,
И она проникает в дома.

Её мир одиночества жуток.
Она в каждого тычет перстом,
Извиваясь в проёме дверном,
Убывая в бесчисленность суток.

Что мне ей пожелать, подскажи?
Она в белом приходит и в чёрном.
И метели заносчивой лжи
Уползают в забвенье покорном.

Ростепель

Мне досталась ты задарма —
Без торговли, грызни, вопросов.
Ты теперь — лишь моя зима,
От снежинок и до торосов.

И хочу я сегодня, чтоб,
Уходя от весны соблазнов,
Под подошвой моей увязнув,
Мне служил каждый твой сугроб.

Чтоб метелей твоих и вьюг
Не слышны были злые вопли,
Чтоб февраль, как продажный друг,
Заревел, распуская сопли.

Я поверю тебе тогда,
Когда ты мне прошепчешь сухо,
Как больная в чепце старуха,
Что с рожденья была горда,

Что меня не любила ты,
Что ласкала из пошлой моды,
Что мои собирала годы,
Как флористка в букет — цветы.